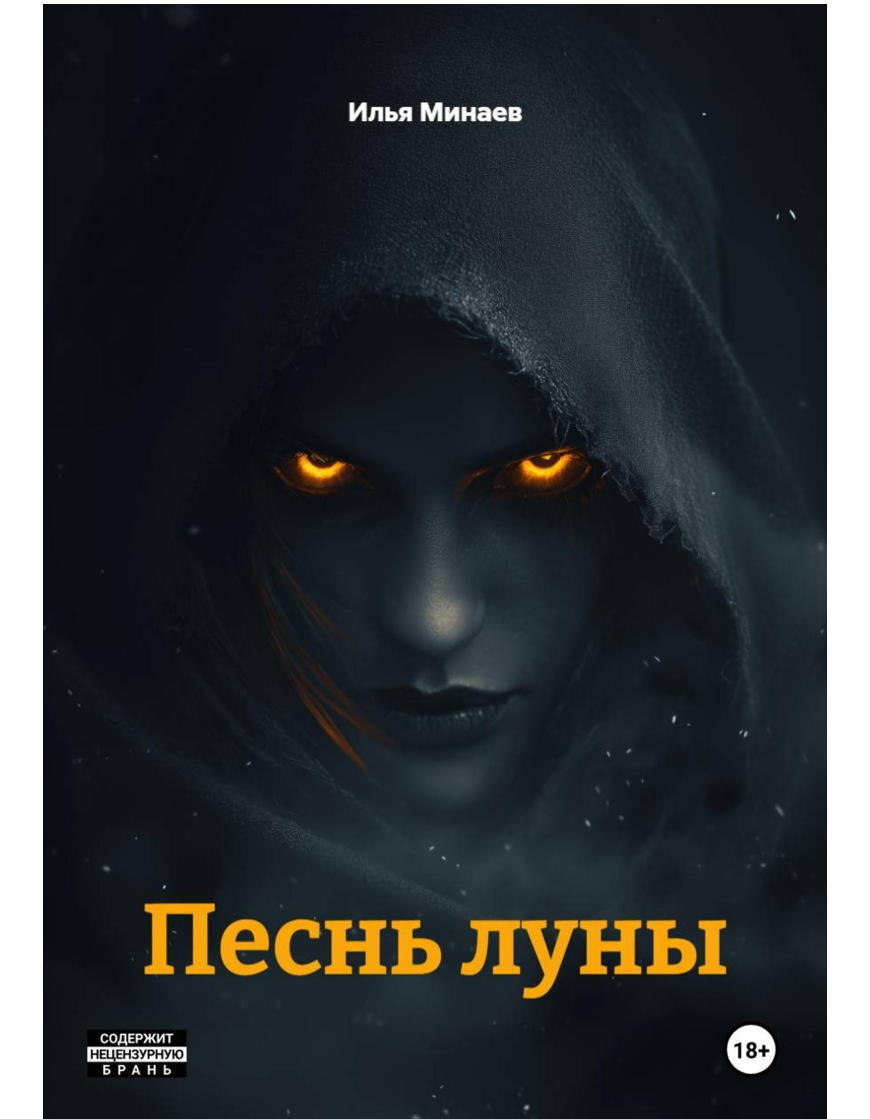

Илья Минаев

Песнь луны

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Минаев

Песнь луны

<https://litres.ru/74295789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда жрецы Светлой Империи проводили великий ритуал призыва, ожидая прибытия четырёх Избранных героев, способных остановить возрождающегося Тёмного Владыку, магия дала сбой. Вместо спасителей из разлома реальности вывалился обычный парень по имени Лукас — без метки избранного, без дара, без судьбы. Пустое место в судьбе мира. Мусор.

Его оставили жить лишь из прихоти короля, превратив в обычного слугу. Но они не знали одного.

Парень взбунтовался и сбежал. Во время побега ему удалось украсть несколько артефактов у одного из верховных жрецов. Среди них был чёрный камень — древний, живой, заточённый на тысячелетия. И он согласился на пакт.

Теперь у Лукаса есть сила теней, голод до чужой магии и одна цель — разрушить королевство, которое посчитало его никем.

Мир несправедлив. Здесь человека легко приравнять к мусору. Но у мусора тоже есть зубы.

Илья Минаев

Песнь луны

Глава 1. Ошибка в великом замысле

Воздух в главном зале Храма Верховного Света был настолько густым от благовоний, что его можно было резать ножом. Смесь мирры, ладана и древней пыли создавала удушливый купол, под которым замерли сотни жрецов. Их лица, скрытые капюшонами из белого шелка, были обращены к центру зала, где на мраморном полу пульсировал золотой круг призыва.

Это не была просто церемония. Это был крик отчаяния целого мира.

За высокими витражными окнами, пропускающими бледный свет утра, Империя умирала. Тень Темного Владыки, пробудившегося после тысячелетнего сна, уже поглотила три провинции. Города горели, реки меняли цвет, а небо над столицей приобрело нездоровый серо-желтый оттенок. Жрецы дрожали. Не от холода — в храме было жарко от сотен свечей, — а от осознания того, что этот ритуал их последняя надежда. Если он провалится, света больше не станет.

Верховный Жрец Аларик поднял посох, инкрустированный алмазами. Его руки, покрытые старческими пятнами, твердо сжимали древко.

— О, Великий Источник! — его голос эхом разнесся под сводами, усиленный магией. — Мы взываем к тебе! Даруй нам щит и меч! Призови тех, кто способен остановить тьму!

Золотой круг вспыхнул ослепительным светом. Звук был похож на удар грома, запертого в бутылке. Пространство внутри круга исказилось, закручиваясь в воронку реальности.

И тогда они появились.

Первым шагнул мужчина гигантского роста. Его плечи были шире дверного проема, а кожа имела легкий серый оттенок. **Дрейк**. Оборотень. Он огляделся, нюхая воздух, и его янтарные глаза сузились. В нем чувствовалась грубая, первобытная сила, способная крушить стены голыми руками.

Следом вышел юноша с чешуйчатыми прожилками на шее и вертикальными зрачками. **Элиот**. Полукровка дракона. От него исходил жар, искажающий воздух вокруг. Он посмотрел на собравшихся жрецов не как на спасителей, а как на любопытных насекомых, которых стоит изучить, прежде чем решить, стоит ли их есть.

Третьей появилась женщина в белых одеждах, сияющих мягким внутренним светом. **Лючия**. Ее лицо было спокойным, почти отрешенным, но в глазах читалась глубокая, профессиональная сострадательность. Она сразу же начала ска-

нирывать ауру присутствующих, проверяя, нет ли среди них раненых или тех кому нужна ее помощь.

Последней, бесшумно ступая босыми ногами по мрамору, вышла эльфийка. **Мираэль**. Ее движения были плавными, как течение воды. Лук из черного дерева висел за спиной, а взгляд холодных зеленых глаз скользил по залу, оценивая угрозу еще до того, как она могла возникнуть.

Четверо. Избранные.

Жрецы выдохнули одновременно. Слезы облегчения блеснули на глазах многих. Артефакты на алтаре завибрировали, подтверждая: да, это они. Метки избранных — тонкие золотые узоры — уже проступали на коже героев, связывая их с этим миром и его судьбой.

Аларик опустил на колени, готовясь произнести слова благодарности. План спасения был запущен.

Но магия божественной силы — стихия хаотичная и непредсказуемая. Она не любит не точных формулировок.

В тот момент, когда золотое сияние должно было угаснуть, закрепляя связь героев с реальностью, круг дернулся. Резко. Грубо. Как будто кто-то споткнулся на лестнице судьбы.

Звук трескающего пространства разорвал тишину храма. Это не было величественным грохотом. Это звучало как лопающаяся струна скрипки — резко, фальшиво и неприятно.

Из центра круга, рядом с ногами Дрейка, пространство разверзлось не золотым светом, а серой, мутной дырой. И из

нее, кувыркаясь, вывалилось тело.

Парень. Обычный, худощавый, одетый в странную, чуждую этому миру одежду — темные штаны из плотной ткани и простая футболка. Он упал на мрамор с глухим стуком, сбив ритм священного хора.

Тишина, наступившая следом, была абсолютной. Лишь тихо потрескивал огонь лампад.

Парень медленно поднял голову. Его глаза, широко распахнутые от шока и дезориентации, обегая лица окружающих. Он выглядел растерянным, испуганным, но не агрессивным. Просто... потерянным.

Аларик нахмурился. Он поднял свой посох, направляя его на пятого иномирца. Артефакт на вершине посоха, обычно реагирующий на магический потенциал, оставался тусклым и мертвым. Никакого свечения. Никакого отклика.

Жрец подошел ближе, его лицо выражало недоумение.

— Кто ты? — спросил он. Голос Аларика был сухим, лишенным торжественности. — Тебя здесь быть не должно. Ритуал завершен.

Парень моргнул. Он попытался встать, но ноги подогнулись. Он был слаб, истощен переходом между мирами.

Герои переглянулись. В их взглядах не было злобы, но не было и тепла. Это был взгляд специалистов, столкнувшихся с непредвиденной технической неполадкой.

Дрейк скрестил мощные руки на груди. Его низкий голос прозвучал как удар камня о камень.

— Ошибка вышла, — констатировал он. С легким смешком, который он даже не пытался скрыть.

Элиот склонил голову набок, изучая парня с холодным, академическим интересом. Он сделал шаг вперед, принявшись.

— Магия капризна, — заметил дракон-полукровка. — Иногда она выхватывает мусор из потоков эфира. У него нет ауры. Совсем. Пустота. Даже у обычных людей аура есть, а он пуст.

Лючия сделала осторожный шаг вперед, ее руки уже начали светиться мягким зеленым светом готовности к исцелению, хотя парень явно не был ранен физически.

— Возможно, это случайный путник, затянутый в этот мир по воле судьбы? — предположила она тихо. Ее голос был мягким и добрым, словно лучик солнца в первые дни весны. Она смотрела на него глазами полными сочувствия и материнской доброты, которую проявляла к каждому живому существу. — Он выглядит дезориентированным. Межпространственный переход сильно нагрузил его слабое тело.

Мираэль даже не повернулась к нему полностью. Она уже изучала карту на стене, игнорируя инцидент.

— Лишний рот, — коротко бросила эльфийка. — У нас нет времени на то, чтобы с ним нянчиться. Мир умирает, а мы стоим и смотрим на... какого-то проходимца.

Король, наблюдавший за ритуалом с королевской ложи, нахмурился. Он видел разочарование в глазах своего наро-

да, которое начинало сменяться тревогой. Нужно было сохранить лицо. Нужно было показать, что все под контролем, даже если планы богов дали трещину.

Он махнул рукой — жест быстрый, небрежный, решающий судьбу человека так же легко, как выбирают блюдо на ужине.

— Раз уж так вышло — пусть остается, — произнес монарх. Его голос эхом отразился от стен. — Но не отвлекайте Героев по пустякам. Они нужны нам для войны. Найдите ему место при храме. Пусть служит, если не может сражаться. Или просто существует. Главное — чтобы не мешал.

«Место». Не комната. Не статус. Просто точка в пространстве, которую можно занять или освободить.

Аларик кивнул королю, затем обернулся к жрецам.

— Вернитесь к Героям, — приказал он. — Нам нужно обсудить стратегию немедленного выдвижения к Северному Фронту. Каждое мгновение на счету, — Старик взглядом и легким движением руки приказал двум молодым послушникам увести неизвестного парня.

Жрецы тут же окружили Четверку, образуя живой щит и направляя их в глубь храма, к стратегическому залу. Их внимание полностью переключилось на спасение мира. Парень остался стоять посреди огромного зала, маленький и одинокий на фоне величественных статуй богов.

Двое младших послушников, юноши лет восемнадцати, подошли к нему. Для них этот парень был просто еще одной

задачей, еще одним поручением, которое нужно выполнить быстро и без эмоций.

— Идем, — сказал один из них, беря парня под руку. Его хватка была твердой и жесткой.

— Тебе нельзя здесь оставаться, — добавил второй, поддерживая его с другой стороны, видя, что тот шатается.

Они повели его прочь из главного зала. Парень не сопротивлялся. Его лицо, ранее выражавшее шок, теперь стало маской пустоты. Эмоции отступили, уступив место холодному анализу ситуации. Он понимал одно: он здесь чужой. И в этом мире, где сила определяет право на существование, он пока что не имел ни того, ни другого.

Они прошли через длинные каменные коридоры, где пахло старым воском, ладаном и сыростью подземелий. Послушники молчали. Их лица выражали легкое раздражение не от ненависти к парню, а от собственной усталости. Им тоже хотелось верить, что они важны. А вместо этого они тащили какого-то неизвестного в подсобку.

Наконец, они остановились у маленькой двери рядом с кухонными блоками. Комната была крошечной: голые серые стены, жесткая деревянная кровать у единственного окна, которое выходило во внутренний двор и было слишком высоко, чтобы видеть улицу. На столе лежала стопка грубой льняной одежды — рубаха и штаны, такие же, какие носили самые младшие служки.

— Переодевайся, — сказал первый послушник, указывая

на одежду. В его голосе не было злобы, только будничная инструкция.

— После переодевания идешь в трапезную. Там нужно помыть полы после завтрака Героев, — добавил второй. — И помощи подать им обед. Они долго будут совещаться.

Они не стали ждать ответа. Дверь захлопнулась, и замок щелкнул. Не потому, что боялись, что он сбежит, а потому что так было заведено. Порядок. Иерархия.

Парень остался один.

Он медленно опустился на край кровати. Дерево скрипнуло под его весом. Он поднял свои руки, рассматривая ладони. Обычные линии. Обычная кожа. Никакого свечения. Никакой искры.

Сквозь тонкую стену доносились голоса поваров, звон посуды, запах жареного мяса и специй. Жизнь продолжалась. Мир жил своей жизнью, равнодушный к тому, что в этой маленькой комнате сидит человек, вырванный из своей реальности.

Он сжал пальцы в кулаки, затем разжал. Попытался почувствовать хоть что-то. Тепло? Холод? Вибрацию?

Ничего. Только тишина. Только пустота.

Жрецы были правы. Артефакты не ошиблись. У других была судьба. У него была лишь эта комната, грубая рубаха и необходимость мыть полы.

Но в глубине его глаз, там, куда не мог заглянуть никто, кроме него самого, начала формироваться не ярость, а нечто

более опасное. Холодная, расчетливая решимость. Если мир считает его мусором, значит, у мусора есть преимущество: его никто не замечает. А то, чего не замечают, может ударить в самый неожиданный момент.

За дверью послышался стук ноги.

— Эй! Переоделся?!

Голос был грубым, человек за дверью явно спешил и не намеривался ждать, пока парень решит свои моральные дилеммы.

Парень не ответил. Он просто сидел, глядя в пол отрешенным взглядом, и о чем-то крепко задумался.